

Почти в каждой статье — обширная библиографическая информация как по специальной социолингвистической проблеме, так и по исследуемому материалу. В ряде случаев даются экскурсы в историю вопроса, сжатые критические обзоры научной литературы, ее оценка. Это — реальная помощь будущим исследователям.

Элемент нового, полученный авторами, значителен. Он и в разработке фактов, и в теоретических положениях. Если тезис о роли социальных факторов языкового развития в общей своей форме вряд ли требует новых доказательств, то актуальной задачей остается дальнейшее выяснение и определение того, какими путями, при каких условиях, на каких уровнях языка и через какие посредствующие звенья осуществляется в тех или иных случаях воздействие социально-исторической среды на язык. Эту задачу — каждый на своем материале — решают авторы. Наиболее плодотворным и богато аргументированным выводом (в масштабе всего сборника) должен быть признан тот, что взаимодействие языков — результат контакта народов, как и развитие языка в отрыве от исконной территории его распространения, вызывает

изменения на всех уровнях структуры при различии в темпах этих изменений. Другим важным общетеоретическим результатом является уточнение тех закономерностей, какие обнаруживаются в соотношении между диалектами, с одной стороны, и, с другой, между диалектами (а также арго) и общенародным (литературным) языком на разных этапах общественного развития. В области проблемы функционально-социальной дифференциации языка углублено понятие специфики разговорной речи в ее соотношении с функциональными стилями и с общественными условиями.

Все это — ценные итоги. Они, хотя и не сформулированы вместе и не обобщены воедино, очевидны, как очевидно и единство сборника, обусловленное общностью интересов и устремлений авторов и цельностью его композиции. Это заслуга и редколлегия в составе чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой, акад. В. М. Жирмунского, Л. С. Ковтун. Литература по социальной лингвистике обогатилась новым весьма ценным трудом, существенно продвигающим исследование всего круга затронутых вопросов.

А. В. Федоров

«Словарь синонимов русского языка (в двух томах)». I (А — Н). — Л., изд-во «Наука», 1970. 680 стр.

Синонимы привлекали внимание мыслителей и филологов еще с глубокой древности. Синонимические словари стали составлять очень давно (в Китае они известны с I в., в Индии — с XI—XII вв.). К настоящему времени существует большое количество словарей синонимов для многих языков мира (особенно многочисленных для французского и английского). Русскому языкознанию прошлого известны также в основном не доведенные до конца попытки составления словарей синонимов¹. Самыми последними являются «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Ключевой (выдержавший два издания: М., 1956 и М., 1961) и «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (М., 1968).

Словари синонимов, особенно в начальный период их появления, обычно строились на интуитивно воспринятой общности значения, а не на твердой основе семантического характера (сами научные основы семасиологии, как отрасли языкознания, были заложены лишь в

конце XIX в.)². Последующие словари шли по линии как можно большего охвата лексики в рамках отдельных синонимических групп, сознательного расширения этих рамок, в результате чего все более размывались и так недостаточно четкие с теоретической точки зрения контуры явления синонимии в языке³.

² Счастливым исключением был словарь: В. Lafaye, Dictionnaire des synonymes de la langue française avec une introduction sur la théorie des synonymes, Paris, 1853.

³ А между тем одной из предпосылок определения синонимичности является, по Б. В. Горнунгу, следующая: «... синонимы должны составить замкнутый синонимический ряд, который для данного синхронного состояния языка в идее не может ни расширяться, ни сокращаться...» («О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей», ВЯ, 1965, 5, стр. 98). Ср.: С. Г. Березан, Синонимические и несинонимические противопоставления семантически близких слов, «Известия на Института за български език», XV, София, 1967.

¹ См.: С. Ф. Геккер, Библиография по синонимике русского языка, сб. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка», М.—Л., 1966 (раздел II, стр. 220—226).

Стремление включать все интуитивно воспринятые как близкие по значению слова в словари синонимов — фундаментальная ошибка современной синонимической практики, ибо составленные на такой основе словари перестают быть, по сути дела, словарями синонимов. Их синонимические ряды перерастают в ряды идеографические или тематические и таким образом появляется новый специальный тип словаря, образцом которого может служить французский аналогический словарь⁴ или польский словарь близких по значению слов⁵.

И вот теперь коллектив Словарного сектора Института русского языка АН СССР под общим руководством А. П. Евгеньевой выпустил первый в истории русской филологии капитальный труд — «Словарь синонимов русского языка» (далее — ССРЯ)⁶.

ССРЯ отличается от всех отечественных и зарубежных словарей синонимов обширностью предлагаемой информации, подробным лингвистическим описанием языковых особенностей членов каждой приводимой группы синонимов. Это особый тип, так сказать, «дескриптивного» словаря. Составители ССРЯ проделали колоссальную по объему работу, сопоставляя смысловые структуры многих десятков тысяч полисемичных слов (с тем, чтобы обнаружить совпадение отдельных элементов их значений) по существующим толковым словарям, проверяя их сочетаемость и частотность по картотеке Словарного сектора ИРЯ АН

СССР и отбирая по этой же картотеке наиболее подходящие иллюстрации к каждому отдельному члену синонимических групп.

Остановимся на исходных теоретических установках, лежащих в основе ССРЯ. Подробное изложение основной концепции словаря и принципов его построения дано во вступительных частях ССРЯ: во «Введении» (стр. 5—14) и в статье «Построение словаря» (стр. 15—19), написанных А. П. Евгеньевой. Основное достоинство ССРЯ включает в себя, как это ни парадоксально, и принципиальный, на наш взгляд, недостаток работы в целом.

Традиционный критерий семантической близости оказался, как показал опыт многих словарей синонимов, недостаточно надежной основой синонимичности, ибо на этой основе беспредельно раздвигались рамки синонимии, и коллектив авторов ССРЯ встал на другие позиции. Если большинство предшествующих словарей синонимов шло по направлению объединения в одну синонимическую группу как можно большего количества воспринимаемых как близких по смыслу слов, то ССРЯ ломает эту традицию, он идет в обратную сторону, в сторону дробления многочисленных рядов семантически близких слов на более тесно спаянные по смыслу подгруппы. Эта ориентация представляет собой коренное достоинство словаря, его новаторский вклад в теорию и практику синонимии. Но, проявив стремление к сужению рамок синонимии, составители ССРЯ не решились идти дальше и полностью отказаться от критерия «близости» значения. Они ограничились внесением ясности в понимание этой «близости», предлагая считать близкими по смыслу «только те слова, которые употребляются для обозначения одного и того же понятия» (стр. 10), и тем самым остановились на полпути. ССРЯ основывается на том, что синонимы — это «слова близкого, смежного, почти одного значения». Неоднократно подчеркивается, что такие слова являются предельно близкими, но что «именно различия между синонимами и обуславливают их жизнь в языке» (стр. 9).

Последний тезис бесспорно верен; между синонимами имеются, как правило, существенные различия (точнее, противопоставления), но, не отделив смысловую близость от смыслового тождества, нельзя по-настоящему вникнуть в суть складывающихся между лексическими единицами языка взаимоотношений на семантическом уровне. Тождественность и близость представляют собой разные языковые явления, предполагающие и различные отношения между соответствующими единицами: в первом случае между ними устанавливаются парадигматические отношения (противопостав-

⁴ Dictionnaire analogique. Répertoire moderne des mots par les idées, des idées par les mots d'après les principes de P. Boissière. Rédigé sur un plan nouveau par M. Charles Maquet, agrégé de grammaire, Paris, 1936.

⁵ Słownik wyrazów blizkoznacznycch, pod red. St. Skorupki, Warszawa, 1957.

⁶ Главный редактор А. П. Евгеньева. Редакторы тома: А. П. Евгеньева (А — З), В. В. Розанова (И — Н). Составители: Л. П. Алекторова, С. Л. Баженова, Г. П. Галаванова, И. Л. Городецкая, Е. А. Иванникова, З. Т. Коруткиевич, Т. Н. Поповцева, Г. А. Разумникова, В. В. Розанова, М. Н. Судоплатова, В. А. Тихомирова, Т. А. Фоменко, В. Н. Цыганова. Помощники редакторов: С. Ф. Геккер (А — З), Т. А. Фоменко (И — Н). После предварительной обработки имеющихся материалов и составления проекта словаря (А. П. Евгеньева, Проект словаря синонимов, М., 1964) в апреле 1964 г. в Москве был созван специальный симпозиум для обсуждения этого проекта, а также основных теоретических проблем синонимии (его материалы опубликованы в сб.: «Лексическая синонимия», М., 1967).

ления) только стилистического порядка, во втором — семантического (устанавливающего при этом и стилистические противопоставления играют подчиненную роль). В основе установления соответствующих единиц лежат разные критерии: для тождественных единиц — это полное совпадение по смыслу, а для близких — это пересечение или вложение смыслов друг в друга (на уровне семем или элементарных значений). Рассматривать и представлять эти единицы следует отдельно. В противном случае в одну и ту же синонимическую группу попадают, с одной стороны, семантически тождественные элементы, а с другой, элементы, близкие по значению.

Случаев такого рода немало в ССРЯ. Например, группа *Бестолковый, несообразительный, непонятливый, недогадливый, тупой, глупый, безмозглый* (стр. 64) явно охватывает две подгруппы тождественных между собой элементов, которые по отношению одна к другой являются семантически близкими. Ведь если первые четыре единицы действительно означают «лишенный понятливости, необразительности», то последние три означают «крайне несообразительный, непонятливый», даже «неспособный соображать». Непонятным остается при этом, почему в ту же группу не были влиты не менее близкие по значению члены других рядов: *Глупый, неумный, недалекый, безголовый, пустоголовый, безмозглый* (стр. 234), *Неразумный, несмышленный, вулпый* (стр. 657), *Неленый, несообразный, несуразный* (б) (стр. 641), *Ограниченный, тупой* (ссылка на этот ряд дана в статье *Глупый*, стр. 235). Что дает основание считать, что *тупой, глупый и безмозглый* ближе к *бестолковый, чем, скажем, неразумный, безголовый или ограниченный*, которые выведены из данного ряда? И что послужило поводом для отнесения последних трех к трем самостоятельным рядам? Едва ли можно будет избежать субъективности и прибегая к помощи понятий. На наш, тоже субъективный взгляд, *неразумный* или *безголовый* гораздо меньше отличаются от слова *бестолковый* (они, по-видимому, выражают одно и то же понятие), чем *жрать, лопать, трескать* от *есть, кушать*, ибо последние два означают просто «принимать пищу», а первые три имеют значение «есть много и с жадностью» (по нашему мнению, они выражают разные понятия). Тем не менее эти элементы фигурируют в словаре в одной синонимической группе (стр. 323). Группы *Красный, алый, пунцовый, кровавый, рубиновый* (стр. 490) и *Багровый, багряный, пурпурный, кровавый* (стр. 35) различаются между собой только степенью признака (также как *тупой, глупый, безмозглый* от остальных членов группы *Бестолковый*). А степень признака относится, согласно исходным установкам (стр. 10), к различиям,

не нарушающим синонимичность. О «предельной близости» этих двух рядов говорит и то, что у них имеется общий член: *кровавый*, выражающий основной признак «окраска крови» (понятие цвета, значит, в обоих рядах одно и то же). Критерий единства или различия понятий не дает, как видно, достаточных оснований для однозначного решения вопроса. К таким противоречивым решениям приводит нерасчлененность семантических явлений тождества и близости (омосемии и парасемии), которые находятся не в родо-видовых отношениях (принято считать, что тождество — это частный случай близости), а являются гомогенными разновидностями смысловых отношений между языковыми знаками: каждое из них имеет собственное основание.

По нашему мнению, исходной ячейкой словаря синонимов должна быть группа тождественных в семантическом отношении слов (по линии, конечно, отдельных своих значений.) При этом значительное количество признанных синонимическими групп распалось бы на два, а то и на три ряда с тождественными элементами. Члены этих рядов противопоставлялись бы друг другу только по сферам употребления, по стилистическим особенностям (эмоциональным, экспрессивным) и по сочетаемости. Не было бы нужды тратить столько сил и времени для определения так! называемых «оттенков значения» (которые, кстати, никем однозначно не определены⁷). Для каждого близкого по смыслу, но самостоятельного ряда было бы сформулировано соответствующее толкование значения, а на близость (вернее, родственность) отдельных рядов было бы указано ссылками (так, как это и делается в словаре). Такая группа, скажем, как *Есть, кушать, жрать, лопать, трескать*, распалась бы на два четко разграниченных ряда (с соответствующими комментариями и иллюстрациями): *Есть, кушать*. Принимать пищу. Ср.: *жрать. Жрать, лопать, трескать*. Есть много и с жадностью. Ср.: *есть*. Следует заметить, однако, что перераспределение материала словаря на одни тождества далеко не во всех случаях легко осуществимо. Оно требует еще очень большой работы и является поэтому делом будущего.

⁷ На этом основании мы предлагали отказать от понятия «оттенок значения» (С. Г. Бережан, К семасиологической интерпретации явления синонимии, сб. «Лексическая синонимия», М., 1967, стр. 53). К тому же выводу, что «понятие оттенка оказывается излишним» и что «все существенные вопросы теории лексических синонимов можно обсуждать и без обращения к понятию оттенка значения», пришел и Ю. Д. Апресян (Ю. Д. Апресян, Синонимия и синонимы,

Одной из наиболее важных положительных сторон ССРЯ является регулярный учет при подаче синонимических единиц их семантического объема, т. е. многозначности, которая либо совсем не учитывалась в прежних словарях синонимов (см., например, словарь В. Н. Ключевой), либо представлялась весьма условно, без надлежащей строгости. В ССРЯ синонимические группы каждого значения многозначного слова поданы раздельно, в особых статьях, пронумерованных арабскими цифрами (наподобие тому, как подаются омонимы). Такая подача намного удачнее, на наш взгляд, чем разделение синонимов по значениям полисемичного слова внутри одной статьи (как, скажем, в словаре З. Е. Александровой и во многих других словарях), ибо читателю отчетливее представляется весь синонимический блок⁸ многозначного слова с точным указанием количества включающихся в него рядов. Это важно потому, что в явной форме выступает коэффициент многозначности каждой единицы, обуславливающий степень ее двусмысленности в речи⁹. К сожалению, однако, не обеспечивается полный охват информации данного рода: она налицо только у той части слов, которая выступает в качестве опорного элемента. Что касается слов, находящихся внутри разных рядов и никогда не выступающих в качестве основных, то образуемые ими синонимические блоки остаются скрытыми. Например, слово *непристойный* входит в три разных синонимических ряда (при слове *бесстыдный* и дважды при слове *неприличный*). Значит, оно само образует трехрядный блок:

<i>непристойный</i>	— <i>неприличный</i> «противоречащий правилам приличия»
	— <i>неприличный, нецензурный, похабный</i> «недопустимый с этической точки зрения»
	— <i>бесстыдный, циничный</i> «проявляющий грубую откровенность»

Однако этот блок в словаре не фигурирует. Данный пробел предполагается восполнить с помощью «Словозаказателя», помещенного в конце второго тома, в котором будут даны все слова с указанием на содержание их группы.

В этой связи необходимо отметить еще одно обстоятельство. Признание того факта, что многозначное слово может входить одновременно в несколько синонимических групп (по линии разных своих значений), в корне противоречит исходному допущению о смысловой близости слов-синонимов. Ведь самыми «близкими» в смысловом отношении являют-

ся, естественно, именно разные значения одного слова. Они же отнесены в словаре к различным синонимическим группам (как обозначающие разные, но смежные понятия). В то же время в качестве синонимов к разным значениям того же слова принимаются другие слова, тоже близкие по значению. Таким образом, уходя от близости на одном уровне, словарь приходит к ней на другом. Один пример. Различные значения глагола *бросать* распределены в пять самостоятельных синонимических групп (стр. 95—97), причем *бросать* одной группы отличается от *бросать* другой группы иногда только сочетаемостью (ср. *бросать слова, бросать взгляд, бросать тень*). В то же время в качестве синонимов к первому значению этого глагола, помимо тождественных по смыслу (т. е. действительно синонимичных) *кидать* и *швырять*, приводятся семантически близкие (только вкладывающиеся по смыслу) слова *метать, пускать, запускать*, составляющие особую группу. Ясно, что коль скоро считается несинонимической очевидная близость разных значений многозначных слов, то тем более закономерно было бы придерживаться того же принципа и в отношении различных единиц.

Важным достижением ССРЯ является широкая подача сведений, касающихся внутрисистемных отношений между установленными синонимами. Имеется в виду информация относительно парадигматических (функциональных и стилистических) и синтагматических (сводящихся к разным типам сочетаемости) свойств членов выделенных синонимических

групп.

Сведения о парадигматических свойствах синонимов даны в легенде словарной статьи. Здесь можно обнаружить весьма подробные (или дающиеся посредством помет) характеристики сфер употребления, эмоционального или экспрессивного содержания синонимов, а также их частотности в речи. Отметим, например, словарные статьи *Бегемот, гиппопотам; Взвешивать, весить, вешать; Гармония, созвучие, строй, согласие; Любимец, любимчик, фаворит; Младший, меньший* (разг.), *меньшой* (прост.); *Наряд, разнарядка* (спец.). Можно было бы, конечно, упорядочить как пометы, так и сведения, указанные в легендах, в более строгую систему основных парадигматических противопоставлений (по сфере употребления, по частотности, по экспрессивности и т. д.) с соответствующими символическими обозначениями. Это осмыслило бы составителей от необходимости

⁸ См.: С. Г. Бережан, Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности, ИАН ОЛЯ, 1967, 3, стр. 258.

⁹ Ср.: E. Vasiliu, Elemente de teorie semantică a limbilor naturale, [București], 1970, стр. 251.

давать каждый раз аналогичные текстовые комментарии в разных формулировках, что придало бы словарю большую стройность и значительно сократило бы его объем.

Сведения о синтагматических свойствах поданы также отчасти в легендах, отчасти в виде специальных помет. Они относятся к особенностям лексической сочетаемости тех или иных (или всех) членов синонимической группы, а также к некоторым сторонам их синтаксической и семантической сочетаемости (ср. статьи *Бездушный, черствый, холодный; исходить* (из чего), *отправляться* (от чего); *бедный, нищенский, небогатый, убогий, скудный* и др.).

Несомненным достоинством ССРЯ является и то, что он характеризует единицы, относящиеся к лексико-семантической системе «современного литературного языка, живой общенациональной разговорной речи» (стр. 7). В соответствии с этой концепцией архаические, областные, жаргонные и узкоспециальные (профессиональные, терминологические) элементы, даже тождественные по значению со словами общенародного распространения, синонимами не считаются. Это полностью теоретически оправдано, если иметь в виду, что синонимические группы — это лексические микроструктуры, элементы которых взаимообусловлены и взаимодействуют в одной действующей на данном синхронном срезе системе как функциональные единицы, противопоставляющиеся по различным параметрам. Исследование смыслового совпадения лексических единиц во времени (в системах, свойственных различным хронологическим срезам) и в пространстве (в одновременно существующих, но различных системах одного национального языка) не касается механизма функционирования совокупностей этих единиц в речи — оно производится в целях познания исторического развития смыслового содержания слов, лексической дифференциации диалектов, в интересах перевода и т. д. Эти два плана нельзя совмещать в одном исследовании. ССРЯ содержит (в качестве справочного материала) очень много примечаний исторического или диалектологического характера, но они приводятся в конце статьи под знаком * *нонпарелью*.

ССРЯ ценен и тем, что в нем отражены основные особенности синонимии русского языка в отличие от других языков. В частности, следует обратить внимание на наличие в словаре, с одной стороны, многочисленных групп однокоренных синонимов с разными аффиксами одного значения (*закал, закалка, закаливание; снеговой, снежный; немолчный, безумолчный; умолкнуть, смолкнуть, замолкнуть*), а с другой стороны, одноаффиксных (преимущественно одноприставочных) единиц, которые не повторяют

синонимические отношения непроемких элементов (*вывернуть, вывинтить, выкрутить; зажить, закрыться, затянуться, зараста, зарубцется; бессознательный, безотчетный*). Это объясняется богатством и подвижностью словообразовательных морфем в русском языке, что составляет один из наиболее продуктивных источников синонимии данного языка.

В конце многих словарных статей приводятся антонимические единицы (ср. *Большой* — *Антоним: Здоровый*), ряды производных слов, состоящих из того же количества элементов (*грязь, слякоть — грязный, слякотный; жмурить, щурить — жмуриться, щуриться*), даются ссылки на другие близкие или смежные ряды (*гибель* — ср. *смерть*). Последние лучше было бы использовать еще более последовательно и отсылать также и к группам, образованным на базе другого значения того же слова; например, если дается: 1. *Большой* ... — ср. *Громадный*; 2. *Большой* ... — ср. *Громадный*, то закономерными должны быть и ссылки: 1. *Большой* ... — ср. 2. *Большой*; 2. *Большой* ... — ср. 1. *Большой*). Отсылка см. призвана пополнять сведения о составе синонимического блока заглавного слова теми его рядами, в которых оно не выступает основным. Но поскольку эти сведения содержатся в «Словуказателе», то эту ссылку можно было не употреблять.

Кроме указанных уже непоследовательностей общего характера, в работе имеются и некоторые более мелкие неудобства, на которых однако нет нужды останавливаться особо, так как они не представляют собой принципиальных промахов и неизбежны в трудах таких размеров. В целом же принятые в ССРЯ принципы выдерживаются четко и последовательно на всем протяжении работы — а ведь речь идет по сути дела о сплошном охвате лексических единиц современного русского языка; весь корпус словаря подвергся самой тщательной унификации.

ССРЯ — плод долголетнего упорного труда группы наиболее компетентных в данной области лексикологов-русистов. Этот незаурядный труд синтезирует теоретические достижения советского и зарубежного языковедения и применяет их к огромному фактическому материалу сквозь призму целостной в своей основе концепции. Словарь открывает широкие перспективы для применения в дальнейшей синонимической лексикографической практике новых идей, касающихся основ явлений смыслового совпадения и смысловой близости. Практическая его ценность огромна: в нем выдерживается принятая основа синонимичности, учитывается семантический объем сопоставляемых словарных единиц, фиксируются внутрисинонимические взаимозависимости (парадигматического и синтагма-

тического планов). Значение академического «Словаря синонимов русского языка (в двух томах)» выходит поэтому далеко за рамки русской лексикографии и лексикологии. Это несомненный вклад в общую лексикологию, в ту ее область, где по сути дела еще никогда не было единства мнений и общепризнанной теории.

СССРЯ безукоризненно выполнен технически и полиграфически. Удачно

скомбинированные прифты (корпус, пентит, понпарель) и использованные способы выделения (полужирным, курсивом и в разрядку), а также внутренняя организация словарной статьи предельно ясно передают современными средствами печати все намерения составителей и редакторов.

С. Г. Бережан

С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII ввек. — М., изд-во «Наука», 1970. 318 стр.

После завершения обобщающего труда по истории фонетической и морфологической систем южнорусского наречия XVII в. («Южновеликорусское наречие в XVII столетии. Фонетика и морфология», М., 1963) С. И. Котков закономерно обращается к лексике тех же южнорусских говоров.

Фундаментальное исследование С. И. Коткова открывается «Введением» (стр. 5—16). Автор показывает научную значимость изучения южновеликорусского наречия для построения «вполне обоснованной истории русского языка национального периода» и справедливо указывает на причину, вызвавшую явную недооценку южновеликорусских данных и ограничение вследствие этого «базы исследования истории русского языка исключительно кругом северно- и средневеликорусских памятников» (стр. 6). Причина эта заключается в некритическом принятии большинством лингвистов ошибочного представления историков о южновеликорусской степи XIV—XVI вв. «как области полного запустения, вызванного татаро-монгольской опасностью» (стр. 6).

Южновеликорусские сведения XVI—XVIII вв. незаменимы при исследовании истории южного наречия, его участия и роли в образовании русского национального языка, они необходимы для более точной характеристики диалектных зон русского языка в их прошлом и современном состоянии. Особенно важны южновеликорусские памятники для выяснения исторического взаимодействия между тремя восточнославянскими языками (русским, украинским, белорусским), так как они написаны на территории, бывшей, во-первых, колыбелью их общего основания — древнерусского языка до XIV в., во-вторых, зоной наиболее активных и длительных контактов русского языка с украинским и белорусским языками, а через них и с другими славянскими языками. Кроме того, юж-

норусское наречие, соприкасаясь с тюркскими языками, могло служить мостом, по которому тюркизмы попадали в общерусский (литературный) язык.

Основным источником для изучения словарного состава южновеликорусского наречия для автора служат материалы старой русской письменности XVI—XVIII вв. южновеликорусского происхождения: челобитные (индивидуальные и коллективные), сказки (показание местных людей по различным вопросам), воеводские отписки, описи, купчие записи, отказные книги, книги таможенных и явочные, писцовые книги городов, уездов, книги бортных ухожий, «грамотки» (письма приказчиков, сельских старост, выборных крестьян), расходные, приходные, ужинные и умолотные книги старост и целовальников, а также духовные завещания, рядовые, меновые, раздельные и другие записи. Автор привлекает и памятники неюжновеликорусского происхождения, поскольку только на фоне лексики всего русского языка той поры и можно составить представление о лексике южновеликорусской области. Данные, извлекаемые из памятников письменности, в доступных пределах сопоставляются с показаниями современных говоров, особенно южновеликорусских, а также с лексикой произведений писателей-реалистов, «жизнь и творчество которых связаны с южновеликорусской областью» — И. С. Тургенева, И. С. Никитина, Н. С. Лескова, А. И. Левитова, А. И. Эртеля, А. И. Бунина и др.

Название и замысел работы определил круг исследуемой лексики. «В круг исследуемой лексики включаются и локальные элементы и элементы общерусского значения» (стр. 7).

В пределах специфически южнорусского словаря С. И. Котков выделяет три типа диалектизмов: 1) собственно диалектизмы—слова, бывшие некогда общерусскими, но затем утратившиеся в север-